

вашской пляски «Кай, кай Ивана».)

9. А на земле чувашской сохранилась то ли легенда, то ли страничка были о коротком пребывании Пушкина в чувашской деревне, где меняли уставших лошадей да и притомившиеся путешественники нуждались в отдыхе. (Демонстрация иллюстраций 9 и 10.)

М. Н. Юхма в книге «Узоры на сурбанах» передал поэтическую историю встречи Пушкина с красавицей-чувашкой Ульгой. Уж не Ульга ли с любопытством выглядывает из дверей избы, не ее ли отец гостеприимно распахивает перед гостем ворота? Вы, очевидно, знаете и картину чувашского художника Никиты Сверчкова «А. Пушкин в чувашской деревне», где тоже запечатлен момент приезда Пушкина в чувашскую деревню.

Осенью прошлого года мы говорили, что 165 лет тому назад в наших краях побывал великий поэт России, не оставшийся равнодушным к жизни, быту, обычаям чувашей. Мы знакомимся с записками казанской поэтессы Александры Фукс, занимавшейся изучением этнографии чувашского народа. «Годы проходят, и мы все больше и больше начинаем понимать величие А. С. Пушкина, его гениальность. И с каждым чтением его произведений мы открываем для себя все новые и новые «тайны», великие мысли, до сих пор не замеченные». (М. Юхма. «Пушкин открывает Чувашию».)

10. Вот он, наш Пушкин, под дубом у Лукоморья, окруженный героями сво-

их чудных сказок. (Демонстрация иллюстрации 11.)

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет...
Там русский дух... там Русью пахнет!

Вот мы перелистали календарь, сделанный влюбленным в поэзию Пушкина художником В. А. Паниным. Спасибо ему, равнодушному человеку, сделавшему еще один памятник поэту, великому гражданину России, создавшему своим творчеством еще один рукотворный памятник гению, имя которого — Пушкин.

Вечер завершает ведущий чтением стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Светлана ЧИНАЕВА,
учительница средней школы № 5
г. Новочебоксарска

А. С. ПУШКИН И ЧУВАШСКИЙ КРАЙ

Тений русской поэзии, певец дружбы народов, литературный декабрист А. С. Пушкин вошел в память чувашского народа как близкий по духу друг и учитель, гуманист и защитник. Об этом свидетельствуют факты и многочисленные предания о его пребывании в Чувашском крае, дружба с Н. Я. Бичуриным, встречи и переписка с поэтами и исследователями инородческой жизни А. А. Фукс, Д. П. Ознобишиным, Е. А. Баратынским, Н. М. Языковым,

И. П. Мятлевым, К. Ф. Фукс, краеведами П. М. Языковым, С. Я. Ползиковым. Глубокое уважение к великому поэту вызывают его упоминания о чувашах в статьях и произведениях, работы литераторов и художников Чувашии, посвященные его жизни и творчеству, превосходные переводы стихов, поэм, повестей и романа «Евгений Онегин» на чувашский язык. Поэты и писатели — от С. М. Михайлова и М. Ф. Федорова до нынешней молодой поросли — перево-

дили и переводят любимого Пушкина. В числе их К. В. Иванов, Н. В. Шубоссини, Г. А. Кореньков, Я. В. Турхан, С. В. Эльгер, В. Е. Митта, П. П. Хузангай, Я. Г. Ухсай, А. Е. Алга, С. А. Шавлы, А. С. Артемьев, Ю. Г. Айдаш, Н. А. Теветкель, Ю. С. Семендер и другие мастера художественного перевода.

Наибольший интерес вызывают материалы, рассказывающие о пребывании поэта в Казанской губернии и его высказывания о чувашах.

1. Пушкин о чувашах

Из каких источников, от кого и когда впервые узнал Александр Пушкин о чувашах, сказать трудно. Вполне может быть, что об этом поволжском инородческом народе ему немало поведал отец Иакинф — Н. Я. Бичурин, китаевед, академик, друг и единомышленник. Возможно, до этого он слышал о чувашах на лекциях по истории и географии в Царском Селе из уст И. К. Кайданова или читал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Истории русского народа» Н. А. Полевого, назвавшего чувашей «сорной травой на теле Российской империи»...

Летом 1816 года семья Н. М. Карамзина проживала в Царском Селе. Лицеист Александр Пушкин часто бывал у них. О чувашах Н. М. Карамзин говорит в нескольких томах своего огромного труда: «... существуют и говорят языками столь между собою сходственными, что может несомненно признать их равно как и лапландцев, зырян, остяков, обских, чуваш, вотяков народами единоплеменными и назвать вообще финскими...» (Кн. 1, т.1, с. 21); «Жив долго между татарами, чувашаи заимствовали от них множество слов...» (с. 31). В 7, 8 и других томах также упоминаются чувашаи: «Вся горная сторона, чувашаи, мордва, черемисы — идолопоклонники...» На полках пушкинской библиотеки хранились книги П. С. Палласа, И. И. Лепехина, П. И. Рычкова, Н. Я. Бичурина с подчеркнутыми местами о чувашах. Не только знал Пушкин о нашем племени. И не чета некоторым другим — почитал за людей!

«Люди светские имеют свой образ

мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы **доброму чувашу** поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странно, и он чуть ли не будет прав» (автограф А. С. Пушкина «О статьях князя Вяземского» (1830). «Добрый чуваш»... Такое отношение является лейтмотивом всех его высказываний о чувашах. Хотя их у А. С. Пушкина немного, но они принципиальны в его суждениях. Первое упоминание — в статье «Мои замечания о русском театре» (1820): «Должно ли укрываться чухонскою деревнею, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою?» (ПСС, т. II, с.9). Речь идет о переведенной с немецкого балладе Готфрида Бюргера «Ленора», ставшей у В. Жуковского «Людмилой», а у П. Катенина «Ольгой». Одним нравился перевод Жуковского, другим — Катенина, а спор шел о принципах художественного перевода. К «чувашке Ольге» свое отношение выразили исследователи Г. Юмарт, А. Иезуитов (Сов. Чувашия, 1987, 4 февр., 1994, 21 апр.). Мое восприятие высказывания великого поэта — самое благосклонное. Я понимаю реплику «Чувашка Ольга» как символ природной красоты и простоты. А если судить по рецензии А. С. Пушкина «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», то и как воплощение энергетической красоты первобытного создания!

На страницах газет стали крылатой фразой пушкинские слова «Критики у нас, чувашей, не существует...» (из письма П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 г.), которую я опять-таки воспринимаю не как упрек в неразвитости нашей нации, а как выражение чувашской природной воли и свободы, перенесенное поэтом на российское литературное поприще — «палки как-то неприличны, о поединке и смех и грех было и думать... Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородна — независима...»

В «Истории Пугачева» и пропущенной главе «Капитанской дочки» имеются меткие сценки из чувашской жизни и портреты с национальным колоритом.

Раз прочитав, навсегда запомнишь картину: «Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, — три тела висели на перекладине. Болезненное любопытство овладело мною. Я захотел взглянуть на лица висельников. По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, и лодка моя толкнулась о пловучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. Яркая луна озарила обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш...» (Пропушенная глава.)

Многое повидал А. С. Пушкин в чувашских селениях. Не все заметки, вынесенные из поездки на Восток, попали в «Историю Пугачева». Но тем не менее любой штрих, каждая строка важна для нас. Вчитываясь в них, мы как бы возвращаемся назад и стараемся понять ход человеческой истории, определить пути-дороги нашего развития. Много интересного сулит древняя «Владимирка», по которой в сентябре 1833 года А. С. Пушкин доехал до Казани.

2. Березовый большак

«Владимирка», народное название существовавшего в XIX — начале XX веков этапного пути арестованных, пересылаемых от Москвы через Владимир в Сибирь. Название бытовало главным образом применительно к части пути — от Москвы до Владимира. По «Владимирке» прошли тысячи политических заключенных. В память о революционерах Владимирское шоссе в Москве в 1919 году переименовано в шоссе Энтузиастов».

(Большая советская энциклопедия, т. 5, М., 1971)

В Чувашии печальная дорога «Владимирка» называлась Большим березовым трактом — Хурӑнлӑ мӑнсул. В окрестных деревнях она так называется и ныне. В памяти народа на долгие десятилетия остались две «царские» дороги — Нижегородский (Макарьевский) торгово-гуртованный путь и вот этот арестантский, Московско-Сибирский почтово-ямской тракт, следовавший по правобережью Волги от западной границы Чувашии до

восточной — от Васильсурска до печально знаменитого уездного града Свияжска.

Нижегородская ярмарочная дорога следовала из Ядрина напрямую через Балдаево на Цивильск, а Сибирская арестантская дорога (ристан сулӑ) от Васильсурска сворачивала на север к Козьмодемьянску, оттуда через мариинское село Виловатый Овраг (Виловатово) на Большой Сундырь (Татаркасы), затем Старый Сундырь (Станъялы) и Чебоксары.

В XIX веке почтово-ямскую дорогу на территории современной Чувашии обслуживали пять станций, три из них (Сундыревка, Ямбулатово, Чебоксары) в Чебоксарском районе, Исмели — в Мариинско-Посадском, а Карачево и Тюрлема — в Козловском районе. Во всех из них А. С. Пушкин несомненно останавливался.

Предлагаем схему дороги по книге Ю. Л. Славянского «Поездка в Поволжье и Урал» (Казань, 1980, с. 99—100). Таков маршрут от Нижнего Новгорода до Казани: Нижний Новгород — с. Кстово (почт. ст.; с 1957 г. город) — д. Поляны (почт. ст.) — с. Летнево или Леднево (почт. ст.) — с. Трофимово — с. Осташка (почт. ст.) — с. Чугуны (почт. ст.) — г. Васильсурск или Василь-Хмелевка (пригородная слобода Васильсурска, почт. ст.) — д. Емангаши (почт. ст.) — д. Виловатый Враг (почт. ст.) — д. Старый Сундырь (Сундыревка, Сундырская или Помекейкино, почт. ст.) — г. Чебоксары (почт. ст.) — Пихчурино или Ямбулатово, Ямщицкое (почт. ст., теперь Ердово, по-чувашски Юртукаси) — с. Большое Аккозино (по-чувашски Топпай сёмӑл или Топпай Исмель) — Исмели или Исмельский базар-выселок (с 1927 года Большое Аккозино, Исмельский базар и Тогаево имели общее название — д. Исмели; в 1833 году здесь была почтовая станция; в 1939 году объединили и присвоили им общее название — с. Октябрьское Мариинско-Посадского района) — с. Карачево — с. Тюрлема или Тюрлево, Анчиково или Воскресенское (почт. ст.) — Большие Ширданы — Свияжск (почт. ст.), бывший уездный город Казанской губер-

нии, теперь село Верхне-Услонского района Татарстана — переправа через Волгу (на левый берег) — с. Васильево (теперь рабочий поселок Зеленодольского района) — д. Кузметьево (почт. ст. — слоб. Игумново — слоб. Адмиралтейская (по-татарски Бишбалта) — г. Казань. По этому маршруту А. С. Пушкин проехал 380 верст.

От Санкт-Петербурга через Москву, Владимир, Нижний, через сотни маленьких и больших станций пролетали царские курьеры, почтовые дилижансы, воинские экипажи, чиновники всех 14 классов. По путевому листу требовали немедленной подачи соответствующих их званию коней и колоколов. В разные периоды дорога вводила до разных городов Сибири — Тюмени, Тобольска, Иркутска, до известной во всей империи «столицы тюрем и каторг» города Острога и Якутска.

В знойную жару и трескучие морозы, по пыльному туману и болотной слякоти шли окованные в железные цепи политические арестанты в день по 25 верст, от этапа до полуэтапа, от полуэтапа до этапа, шаг за шагом, день за днем, месяц за месяцем. По всей трассе их встречали и сопровождали, гоняли и избивали суровые казаки — конные, вооруженные, с ружьями наперевес. Политические бунтари России пугали царей «хуже Пугачева», их жестоко карали, но они вновь и вновь поднимались. Трудно перечислить всех знаменитых людей, по своей или чужой воле побывавших в чувашских деревнях. Но о тех, кто оставил свои записки о чувашах, вспоминаем добрым словом, удивляемся их наблюдениям через столетия. Дневниковые дорожные записи А. Н. Радищева, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, К. Ф. и А. А. Фукс, П. И. Мельникова-Печерского и других великих писателей напоминают о трудной судьбе наших предков — «инородцев» в родной стране.

Каждый чувашский домовладелец должен был посадить и выходить по 10 стройных кудрявых берез на большой дороге. Но не только поэтому в памяти людской этот тракт остался как «Бере-

зовый большак». Долгий-долгий ряд белых берез напоминал о великих просторах России и безутешно горькой судьбе народных мятежников. «Хура́нла́ сул» в умах нескольких поколений остался символом вечной памяти безымянным первопроходцам — борцам за дело закабаленных, но непокоренных народов. Таким ее показывали в своих произведениях чувашские художники (Н. Сверчков, М. Спиридонов) и писатели (Иван Мучи, Илья Тукташ, Петр Хузангай).

Дорога на Москву во время великих войн из арестантской превращалась в дорогу патриотическую. Здесь проезжали не только цари и писатели, по этой дороге гарцевали и защитники-казаки. Сказания об Илейке Муромце, записанные учениками Анат-Кинярской школы еще в тридцатых годах, учителями воспринимались лишь отголоском русской былины об Илье Муромце. А оказалось, что предводитель казачьего движения Илейка Муромец на самом деле под именем царевича Петра — сына царя Федора Ивановича в начале XVII века (1606—1610) проехал до Свияжска, поднимая подневольных крестьян на войну против неверных царей.

По этой дороге шли «целовавшие крест всею землею быти в любви и в совете и в соединенье, и идти на земскую службу под Москву... на польских и литовских людей» чувашские ополченцы 1610—1611 гг., выступавшие под знаменами Д. Пожарского.

Московский тракт 1812 года — особая забота чувашских придорожных деревень. В июле по нему прошла воинская часть подпоручика Вороневича (298 рекрутов), встреченная на каждой станции с хлебом-солью. В августе следовали маршем Четвертый Башкирский и Мещерский конные полки. Не от них ли остались по дороге дополнительные названия чувашских деревень — Пушкәрт, Тутаркасы, Калмак, Пәсәрман, Мишер? Соединения уральских и оренбургских, казанских и чувашских казаков «наипешнейшим образом» были снабжены продовольствием и фуражом. Несколько тысяч пудов фуража для конных соединений и съестных припасов для 12

пехотных полков заготовили Чебоксарский и Цивильский уезды. Сохранились документы, они подчеркивают особую доброжелательность чувашского народа к армии-освободительнице.

В годы Великой Отечественной войны Московский тракт стал называться военной дорогой. По ней днями и ночами шли вереницы военных автомашин и колхозных обозов. На некоторых участках дороги сутками дежурили дорожно-ремонтные и охранные службы. Это уже на памяти живущего поколения. Об этом могут немало рассказывать наши отцы и деды.

Теперь нет просуществовавшей шесть веков Московско-Сибирской дороги. Она давно выправлена, заасфальтирована, сервирована, но контур Волжской дороги на участке Чувашии остался прежним. Среди федеральных магистральных автодорог России «М-7, Волга», следующий, как и древняя Екатериинка или Владимирка, через Нижний Новгород — Казань — Уфу, конечно, не может отречься от своего все-таки славного прошлого.

Внимание к истории Березового большака у чувашских краеведов не угасает. В 1976—1980 годах в республиканской печати, на страницах Чебоксарской районной газеты «Ленинец» были опубликованы интересные материалы рейдов по старой дороге. Березовый большак возникает в памяти чувашского краеведа при святых для него именах Пугачева, Пестеля, Герцена, Пушкина, Бичурина... Краеведы Петр Николаев, Алексей Бойков, Транквиллин Соминев не раз возвращались к теме Березового большака. Т. А. Соминев издал брошюру о трассе Нижний Новгород — Казань, где подробно рассказал о прошлом и нынешнем состоянии большой магистрали.

В Чувашии нужен музей Березового тракта и автомагистрали Нижний Новгород — Казань. Заманчивая попытка создания в Малом Сундыре заповедного уголка конно-почтовой станции и арестантского этапного каземата пушкинских времен с «царским дубом», с «царским мостом», с «казацкой долиной» и другими историческими атрибутами вдохновила было многих, но за-

тем попала под волну перестройки, а собранные материалы (почтовая карета, свадебный тарантас, парадные конские сбруи, набор колокольчиков, дуг, колес) расплылись, затерялись. Теперь в деревне нет даже образца кочедыка (шёллэ). Думается, со временем обязательно будет музей дороги, со станцией обслуживания, кемпингом, с отдыхом у пруда или Волги, с галереей «А. С. Пушкин в чувашской деревне».

3. Ночевал ли Пушкин в Малом Сундыре?

Из книги Игоря Смольникова «От Нижнего Новгорода до Казани» (М., 1991).

«Через две почтовые станции за Васильсурском начиналась Казанская губерния. Хмелевка и Емангаш еще Нижегородская, а Виловатый Враг уже Казанская.

За Емангашем въехали в большой лес — дубы, вязы, клены, — он тянулся до Виловатого Врага. А на открытых местах дорога была обсажена березами. Их уже тронула желтизна, они тихо шелестели на ветру.

Дорога здесь красивая, хотя и нелегкая для лошадей — много подъемов и спусков. Между Виловатым Врагом и Старым Сундырем целых три. Особенно крут спуск на мост. Гаврила <...> не выдержал: хотя ямщик заклинил задние колеса, он не доверил свою драгоценную жизнь лошадям, прыгнул с козел на землю и до самого моста бежал трусцой. Пушкин только посмеивался. Он доверял ямщикам — они знали свое дело. Он мало беспокоился по поводу того, что дорогу не огораживали перилами или хотя бы столбиками, когда она проходила по крутым косогорам и вдоль оврагов...

Ожидая перемены лошадей, Пушкин прошелся по улице. Деревня показалась ему опрятнее Емангаша, черемисской деревни на границе с Нижегородской губернией. Чуваши были приветливы и услужливы. Они охотно и без боязни отвечали проезжему барину, когда он с ними заговаривал. От старого чуваша Пушкин узнал, что город, из которого он едет — Нижний Новгород, — называется Чол-Хола, что значит Каменный

город. А он, Пушкин — вырос. Очевидно, это было искаженное «урус» по-татарски — русский.

Отсюда начинался новый, неведомый Пушкину край, населенный разными народами — чувашами, черемисами, мордвой, татарами...

Из «Правил, изданных по высочайшему повелению 6 июня 1808 года для проезжих на почтах»:

«... особам 1 класса — на двадцать лошадей...

... митрополитам, действительным статским советникам и другим особам 2 класса — пятнадцать...

... архимандритам, майорам, коллежским асессорам, синодским и сенатским протоколам и всем чинам, состоящим в 8 классе — на 4 лошади...

Протоиереям... капитанам... титулярным советникам и всем чинам, состоящим в 9—14 классах, — выдаются листы на 3 лошадей...

Таким образом, А. С. Пушкин, чиновник 10 класса, титулярный советник, имел право получить по открытому листу, подорожному (по-современному — путевому листу), трех почтовых лошадей, тройку. Исследователи пишут, что иногда Пушкин нанимал коней за плату (5 копеек за коня) и мчался четверкой, бывало и шестерней!

В путь-дорогу выехал он на своей коляске. Ремонтировал в Москве, а по дороге нужно было подтягивать снова и снова. Чище нижегородских и козьмодемьянских каретников считались чувашские мастера из Старого Сундыря (Сундыревки). Краснодеревщики здесь были отменные. Да и кузнецы на славу, выписанные из дальних русских губерний. Как никак, пугачевским бунтовщикам-инородцам, в особенности нагорным чувашам, не разрешалось иметь дело с железом. Кузницами при каретном дворе владели русские мастеровые из Выксы или самого Нижнего.

О чувашах Пушкин знал, и немало. Этот край известен ему по рассказам странника Иакинфа Бичурина, ученого-китаиста. Да и Дмитрий Ознобишин из Чебоксар слал любопытнейшие вести, переводы народной поэзии... Вот

она, чувашская земля! Не надеясь на неспешного слугу Гаврилу, Пушкин зашел в каретный двор, поинтересовался насчет колес. — Как долго? За час? За ночь? — За ночь можем заново обмотать. До Казани еще ехать и ехать. — Давайте, подтяните основательно! Ямщики Погоди-хозяина знали толк в чиновниках. Видали самих царей. А когда в споре с козьмодемьянскими ямщиками выиграли серьезнейшую дистанцию с «золотыми призами», станция стала весьма почетной на всей дороге. Сведущие чиновники предпочитали отдыхать именно здесь — среди дубрав, широких долин и невысоких пригорков при замечательнейшей харчевне с сельским пивом и волжской рыбой. Сам Петр I здесь хаживал, царица Катерина соизволила отобедать да в честь Павла I дуб великан отращен.

Говаривал столетний дед МIRON, последний «могикан» из ямщиков XIX века, что Пушкина помнил и гордился отчаянный вольник, ямщик из ямщиков Хветьки из рода пугачевских, то бишь из нынешних фамилий Пигачевых. Это он водил поэта по деревне и рассказывал всякие небылицы...

Есть в пушкинской дорожной тетради запись, сделанная под Чебоксарами: «Пугачев ехал мимо сена — собачка бросилась на нее. Он велел разбросать сено. Нашли двух барышень — он их, подумав, велел повесить». Где, от кого слышал поэт этот рассказ — неведомо. Но если проследить по воспоминаниям деда Мирона Никифоровича Погодейкина да по материалам пугачевца Резвана из окрестностей села Владимирского (Анат-Киняр), вполне реально полагать, что факт произошел здесь и услышан из уст поэта-импровизатора Хведи Чуваши, знавшего с Дмитрием Петровичем Ознобишиным, другом Пушкина.

Пушкин ночевал в Чувашии одну, а может быть, две ночи. В его записях об этом не сказано. Нет уточнений и в воспоминаниях современников. Оставляя далеко за собой фельдгегеря с пакетом бумаг о его поднадзорности, Пушкин не останавливался ни во Владимире, ни в Васильурске, и наверняка, не ноче-

вал в Чебоксарах. Дело № 142 «Об учреждении надзора за поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина» следовало за ним повсюду в виде секретных предписаний и записок обер-полицеймейстера, военного губернатора, секретного полицмейстера. Но быстрый Пушкин сумел прокатиться до Оренбурга до скрипов полицейской погони.

По многим народным преданиям, пересказам выходит, что Пушкин ночевал в Малом Сундыре (Станъялах) и Большом Аккозине (Исмели, Октябрьское). Пока невозможно ни утверждать, ни отвергать эту гипотезу.

Виталий СТАНЬЯЛ,
председатель Союза краеведов Чувашии,
кандидат филологических наук

Литература, рекомендуемая к пушкинским дням

Алексеев М. П. Пушкин: сравнительно-историческое исследование. — Л., 1987.

Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. — Л., 1987.

Ахматова А. А. О Пушкине: статьи и заметки. — М., 1989.

Бабаев Э. Г. Творчество А. С. Пушкина. — М., 1988.

Баранская Н. В., Овчинникова С. Т., Эткин И. К. Александр Сергеевич Пушкин. Альбом. — М., 1971.

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). — М., 1967.

Бонди С. М. О Пушкине: статьи и исследования. — М., 1978.

Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: очерки. — М., 1974.

Вересаев В. В. Спутники Пушкина. Том 1, 2. — Москва, 1993.

Гей Н. К. Проза Пушкина: поэтика повествования. — М., 1989.

Гейченко Н. В., Бозырев В. Петровское. Тригорское. Святогорский монастырь // Круг чтения. — М., 1992.

Гессен А. Н. «Все волновало нежный ум...» — М., 1983.

Гиллельсон М. Н., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: комментарий. Пособие для учителя. — Л., 1977.

Гроссман Л. П. Пушкин. — М., 1958.

Городецкий Б. П. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов»: комментарий. — Л., 1969.

Дегожская А. С. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении. — Л., 1971.

Коровина В. Я. Пушкин в школе.

Пособие для учителей. — М., 1978.

Лотман Ю. М. А. С. Пушкин. — Л., 1982.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, пособие для учителя. Изд. 2-е. — Л.: Просвещение, 1983.

Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). — Л., 1982.

Макогоненко Г. П. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Гос. изд-во «Художественная литература». — М., 1963.

Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. — М., 1987.

Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. — М., 1981.

Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. — М., 1985.

Очерки истории советского искусства. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Отв. редактор Г. Г. Поспелов. — М.: Советский художник, 1980.

Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма. — М., 1989.

Рассадин Ст. Драматург Пушкин. Поэтика. Идеи. Эволюция. — М., 1977.

Степанов Л. Н. Проза Пушкина. — М., 1962.

Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. — М., 1990.

Цветаева М. Мой Пушкин. — М., 1981.

Терц А. (А. Синявский). Прогулки с Пушкиным. — С.-Петербург, 1993.

Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. — М.: Художественная литература, 1979.